

Эльвира

ТРИКОЗ

г. Вологда



«Плотницкие» прототипы

В этом году исполнится 55 лет беловской книге «Плотницкие рассказы». В конце 1968 года в Северо-Западном книжном издательстве Архангельска она была подписана в печать, а в 1969 году ее читала уже вся советская страна.

До неё Василий Иванович написал и опубликовал эпохальную повесть «Привычное дело» в первом номере журнала «Север» за 1966 год. Тогда «в редакцию посыпались письма из разных уголков страны, от Мурманска до Херсона. В библиотеках Москвы занимали очередь, чтобы прочесть повесть В.И.Белова. Многие читатели требовали, чтобы редакция выслала им этот номер журнала. Восхищенным откликом не было конца. «Этот номер особенно – при всей северной локальности – не несет никакого налета провинциальности. ...Чертовски талантливо, чертовски страшно, если можно употребить такой термин, и очень трудно для критики», – писали из Архангельска»¹.

И после 1967-го суетного года привычнодельского периода – литературного взлета – Белов начал искать тихое место для продолжения творчества. И нашел деревню Коргозеро – укромный уголок на холмах с круглым озером, обнятым лесами.

Современные исследователи и публицисты до сих пор ищут ответы на вопрос: где отыскивал та-

кие деревни и героев Василий Иванович? Однако весь жизненный и биографический материал сегодня уже не поднять. Не восстановить полностью «сплав всех подсмотренных жизненных сюжетов», но какие-то фрагменты можно.

Есть несколько свидетельств того, что материал для книги автор собирал не только в своем родном Харовском районе, но и в соседнем – Вожегодском, до которого можно было дойти пешком от его родной деревни.

Подтверждением этого факта служат как рассказы музейных посетителей и друзей мемориальной квартиры, так, например, и история деда Васи из книги Алексея Варламова «Повесть сердца»: «Жили в Коргозере лишь старики и старухи и никакой связи с миром... Покойный дед Вася рассказывал, не знаю, правда это или нет, что когда-то в Коргозеро приходил из своей недалеко расположенной Тимонихи писатель Василий Белов. Вместе с мужиками он переставлял двор, а заодно записывал за ними плотницкую речь. Но я так ни разу дотуда и не дошел. Слышал, как лают собаки, и поворачивал назад. Таинственное очарование было в моем представлении о Коргозере, и это очарование я боялся растерять. Да и земля там была уже не моя, а Василь Ивановичева».

Известно из рассказа нашего музейного друга, краеведа Сергея Денисова, что в 1967 году на протяжении целого месяца Василий Иванович гостил в Коргозере. До сих пор живы и здоровы свидетели тех событий.

Во время своего пребывания писатель жил у Авинера Семёновича Мошкова (родившегося в начале 1900-х), строил хлев у многодетного крестьянина Николая Денисова (буквально своего ровесника – 1933 г.р.).

Вспомним, что одного из героев «Плотницких рассказов» звали как раз Авинер, фамилия – Козонков. Так его описывает Белов: *«Козонков был сухожильный старик с бойкими глазами; волосы тоже какие-то бойкие, торчали из-под бойкой же шапки, руки у него были белые и с тонкими, совсем не крестьянскими пальчиками».*

В произведении Василий Иванович не придумывает имена героям, а берет их из жизни: необычное для моих современников Авинер или по-другому – Авенир и привычное имя Алексей – в том ласковом звучании, как было принято в Коргозере, – Олёша.

Авинеров в тех местах было немало. В глухих деревнях до начала XX века было привычным делом именовать крестьянских детей по святцам (списку православных святых, расположенных в календарном порядке), имя могли дать по дню рождения, по дню наречения (8-й день после рождения) или же по дню крещения (40-й день). А имя Авинер в календаре православных святых упоминается несколько раз в году. Получается, по святцам младенца мужского пола могли назвать Авинером, если он родился в январе, феврале, октябре или ноябре.

Из интервью с писателем и журналистом Валерием Киселевым (от 30 января 2023): «Имена часто давал священник, по своему усмотрению, а часто и по настроению. Как рассказывала мне бабушка, если родители ему чем-то не нравились, то такие имена давал, что и не выговорить. Например, в Кумзере был такой батюшка (имя не помню). Такие, например, имена: Акиндин (попросту – Киня), Варсонофий (Ворсуня), Сарапион (Сарапиха), Рафаил (Раха), Апполинарий (Полюха), Флавиан (Флаха), Геннадий (Енаха), Станислав (Стаха), Сивирьян (Сивиря), а еще Алфей, Африкан, Кенсарий. Иногда родители настаивали, чтобы имя было благозвучное. Моды на имена не было. Авинер (попросту Виря) – имя нередкое, у меня дядю так называли. Своего имени он очень стеснялся. Даже его невеста только на свадьбе от моего отца, его брата, услышала, что его зовут вовсе не Гена, а Авинер».

Причудливые имена были в глухих северных деревнях. Об этом неоднократно писал и рассказывал в интервью сам Василий Иванович и те, кто позже

писали о нем и далеких харовских и вожегодских местах. Писатель А.Н.Варламов в повести «Дом в деревне», которую Белов в 2000 году назвал «превосходной повестью», отмечает: «Имена, надо сказать, здесь встречались удивительные: Флавион, Филофей, Галактион, Текуза, Руфина, Манефа, Адольф, Виссарион, Ян, Ареф, Африкан (до той поры я был уверен, что отчество Ивана Африкановича Белов сочинил, – ничего подобного, в Бекетове автобусника звали Борисом Африкановичем)».

Второго героя зовут Олёша Смолин. Что примечательно: в Коргозере с таким же именем рядом с Авинером Мошковым жил деревенский колхозник Алексей Михайлович Каламов. По словам краеведа С.А. Денисова²: «Его в деревне так и называли Алёша (по-местному – Олёша). У него своя семья была, жена и дети».

Алексей Михайлович «рано остался без родителей», «его воспитывал дядя Николай Гаврилович Каламов, которого он кормил до самой смерти». Он «был очень принципиальный, работал счетоводом в колхозе, потом почтальоном. Воевал, участвовал в штурме рейхстага. Письма писал в «Красный Север», боролся с несправедливостью» (цитаты из беседы с Сергеем Денисовым). Старики, Авинер и Алексей, жили рядом (Ср. – в повести: «У нас и избы рядом стояли, и земли было поровну...»), были одного поколения, второй тоже родился в начале 1900-х – в 1904 году.

В повести описание героя следующее: «Олёша – сухожильный, не поймешь, какого возраста колхозник... Старик похож был на средневекового пирата с рисунка из детской книжки. Горбатый его нос еще во времена моего детства пугал и всегда наводил на нас, ребятишек, панику...»

Нос торчал у Смолина не прямо, а в правую сторону, без всякой симметрии разделял два синих, словно апрельская капля, глаза. Седая и черная щетина густо утыкала подбородок. Так и хотелось увидеть в Олешином ухе тяжелую серьгу, а на голове бандитскую шляпу либо платок, повязанный по-флибустьерски.

Сначала Смолин выспросил, когда я приехал, где живу и сколько годов. Потом поинтересовался, какая зарплата и сколько дают отпуск. Я сказал, что отпуск у меня двадцать четыре дня». Последние вопросы как раз в духе счетовода – выдают конкретные житейские интересы человека.

Интересно, что часть описания сходится с внешними чертами самого коргозёра Алексея Каламова, у которого, по свидетельствам родственников и его земляков, были голубые глаза, суровая внешность, нос с горбинкой и слегка искривленной переноси-

цей. О том, похож он был на старого пирата, каждый может судить, рассматривая предложенные фото-портреты. Это характеристика все же субъективная – для создания образа героя.

Итак, говоря об истории создания «Плотницких рассказов», можно утверждать, что во время написания книги В.И. Белов собирал материал для произведения, когда жил в Коргозере, на строительстве хозяйственной постройки плотно общался с коренными крепкими крестьянами, «привыкал к деревенскому юмору» (из «Плотницких рассказов»), по вечерам после физической работы уединялся в избе и писал. Там же он и определился с выбором имен главных героев.

Не стал бы В.И. Белов классиком, если предельно документально отразил жизнь тех сельских мужиков, с которыми дружил и общался. Белов осмыслил и превратил в текст целый пласт впечатлений, которые бурлили в писательском сознании, не давая ему покоя.

По-моим убеждениям, Авинер Семёнович и Алексей Михайлович были больше именными прототипами: из рассказов их земляков известно, что они особо не ссорились, а Авинер не был бойким, как герой повести. Вероятно, образ постоянно ссорящихся стариков Василий Иванович взял из жизни Тимонихи. И об этом свидетельствует супруга Василия Ивановича Ольга Сергеевна Белова: «Два старика жили в Тимонихе, в разных концах деревни. Один – по фамилии Баров, а второй – Корзинкин. Часто они ругались, но при этом не могли жить друг без друга. Любили друг друга. Оба были дореволюционных лет рождения».

Василий Иванович давал сплав всех подсмотренных жизненных сюжетов. Образы слеплены были из ряда разнообразных кусков воспоминаний и впечатлений. Не конкретно о каком-то человеке он писал, хотя местные пытались в героях узнать земляков. Было такое...» (из беседы от 31 января 2023 года).

В творческой лаборатории Белова наблюдаются разные виды движения, как и в жизни, – упорядоченное и броуновское. Вот в «Плотницких рассказах» как раз наблюдаем «танец» реальных и образно-сюжетных «частиц». Имена и соседство колхозников – из деревни Коргозеро, а жизненный сюжет о вечно ругающихся стариках – из Тимонихи.

Детали, так называемые нами «частицы», так перепутаны, что не всегда можно уловить их траекторию попадания в повесть. Например, такой факт из реальной жизни Алексея Каламова: «Писал письма в «Красный Север», боролся с несправедливостью», он попадает в художественный текст, но в «Плотниц-

ких рассказах» этой способностью автор наделяет почему-то бойкого Авинера. Читаем в подтверждение своей мысли слова Олёши: «Да пиши хоть в Москву, тебе это дело знакомое! Ты вон всю бумагу перевел, все в газетку статьи пишешь. За каждую статью тебе горлонару на чекушку дают, а ты по соседскому делу хоть разок пригласил на эту чекушку? Да ни в жись! Всю дорогу один дуешь». Интересно наблюдать, как в температуре творческого и физического (плотницкого) беловского кипения в конце 1960-х усиливается броуновское движение – смешивается колода жизни с колодой художественных перестановок и вымысла.

Обратим внимание на фамилию Авинера – Козонков. Не мог же и в самом деле Белов оставить герою фамилию Мошков, как у коргозёрского колхозника, – не только потому, что выдал бы земляка или невзначай прославил, но и потому, что она бы не подчеркивала «бойкость» главного героя (вспомните, три раза В.И. Белов употребляет слово «бойкий» при описании Авинера). Однако эту черту характера автор усиливает, наделяя героя понятной для носителей севернорусского диалекта фамилией.

А что значит вологодское слово «козонок»? Здесь опять наблюдается сплав – только разных смыслов.

«Словарь говоров Русского Севера»³ содержит три значения: 1) Кость, выступающая в изгибах пальцев на руках; фаланга пальца. 2) Игральная кость, бабка. 3) *Перен.* Поворот, изгиб реки.

Заметим, это слово было употребительно и в Вожегодском, и в Харовском районах, фамилия бытовала – в Харовском. Писатель, историк и журналист Валерий Киселев (родом из Харовского района) рассказал, почему слово «козонок» и сам внутренний его образ легли в основу прозвища и затем фамилии: «Фамилия Козонков произошла от названия игрушки – это косточка от ноги барашка или козочки, маленькая такая. Сбивали эти козонки ребятишки на полу или на полянке какой-нибудь битой. Прозвище возникло – мужичок маленький, как козонок». Народное языковое сознание закрепило образ маленькой косточки за образом приземистого человека. Фамилии, образованные от названий неодушевленных предметов – по сходству с ним, часто встречаются в русском языке.

Возвращаясь к фамилии, отметим, что в повести рассказчик не объясняет то, откуда у его деревенских товарищей такие фамилии, хотя в произведениях Белова нередко объясняются прозвища и фамилии. Понятно, что в среде своих смысл и так понятен и нет необходимости что-то разъяснять. Прозвище Козонков восходит к известному диалектному слову, подчеркивает не только похожесть человека на какой-то маленький пред-

мет (косточку животного), но и движение, характер его в игре, самую связь с народной игрой.

Кроме того, сам образ козонка (косточки) современного читателя может наводить на ассоциативные связи с некоторыми русскими фразеологическими выражениями: «как кость в горле» (о том, что мешает или досаждаст чем-то), «перемывать кости» (сплетничать о ком-нибудь), «пересчитать кости» (избить кого-либо).

И эти связи небезосновательны. Давние ссоры, стычки деревенских стариков вызваны тем, что они друг для друга на этом небольшом деревенском пространстве как кость в горле. В этом состоянии «кость в горле» они так и живут: «Всю жизнь у нас с ним споры идут, а жить друг без дружки не можем. Каждый день проводывает, чуть что – и шумит батоном. С малолетства так дело шло...»

Все русские речевые образы будто суть единого – ругающихся стариков. В «Плотницких рассказах» герои как раз обсуждают прошлое, ругаются, дерутся, поддевают друг друга при встречах – фигурально: играют в козонки, бросая друг в друга слова-палки, «шумя батоном». Игра у них такая всю жизнь идет и не заканчивается. Она их и держит на земле, и крови в жилах не дает застояться, и силы дает, чтоб шутить, песни петь, частушки да бухтины складывать.

Фамилия Смолин, безусловно, связана со словом «смола», а смола имеет такие свойства: вязкость, липкость, способность плавиться при нагревании, при горении – давать коптящее пламя, не прогоркать и не загнивать. Всё описание вещества и его свойств будто в руку и к месту. Его легко преобразовать в метафору, описывающую главного героя повести Олешу. В разговорах и ссорах он липкий,

привязчивый и при этом задиристый: «Я видел, что Олеша Смолин просто разыгрывает Авинера. А тот сердился всерьез и изо всей мочи доказывал, что корова обгулялась, что без молока он, Козонков, вовек не останется». Его нрав – взрывной, внешность – «не поймешь, какого возраста».

Может, не случайно такие ассоциативные образы, мысли и выражения приходят на ум, когда поближе присматриваешься к фамилиям героев? Может, сознательно этот речевой материал автор «Плотницких рассказов» поднимает, напоминая о тех забытых деревенских словах, именах, речевых жанрах? Чтобы помнили. Чтобы хранили великое русское слово, образ. Чтобы читателю захотелось с душой спеть частушку, «стройно запеть старинную протяжную песню», помня все куплеты. Почему? Да потому, что сам рассказчик Костя Зорин «не мог им подтянуть – не знал ни слова из этой песни...»

Такая творческая алхимия: чертовски талантливая и чертовски страшная.

Примечания

¹ Тимошкина О.С. «Василию Белову передайте...» / О.С. Тимошкина // Север. – Петрозаводск, 2000. – № 5+6. – С. 181-184.

² Истории о местных жителях, своих земляках, Сергей Алексеевич начал собирать с 2019 года. В то время у автора этой статьи с краеведом завязалась переписка.

³ Словарь говоров Русского Севера. Т. 5: Ка-Коняшка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С.217.

□

Эльвира Львовна ТРИКОЗ

родилась в Вологде.

Ученый-филолог,

музейный сотрудник, преподаватель.

Автор научных статей по истории языка,

психолингвистике, литературоведению,

научно-популярных и публицистических статей

о писателях-деревенщиках,

о музейных открытиях, связанных

с мемориальной квартирой В.И. Белова (Вологда).

В журнале «Север» публикуется впервые.

